

Большой юбилей Малого театра

К 46-летию. — 1999 — 28 окт. — 3 нояб. — с. 9

(Окончние. Начало на 1-й стр).

Мне не довелось говорить с актером и режиссером Александром Коршуновым о его спектакле "Трудной хлеб", поэтому не могу доподлинно свидетельствовать, но почти уверена: режиссер сознательно заменил "концепцию" чувством. Вряд ли сегодня можно сказать нечто принципиально новое о благородных обманутых девушках и лодках "бешеных денег", о тернистом жизненном пути, в конце которого тебя непременно ждет справедливость в виде скромного, но исполненного достоинства счастья. Но сегодня можно и очень нужно выразить собственное отношение к этим незатейливым характерам, к этим обитателям маленького мира, так точно отражающего мир большой.

Потому спектакль "Трудной хлеб" прозван теплым и живым чувством любви — согревающей, привораживающей, я бы осмелилась сказать даже "подлинно религиозной", выраженной в декларациях, а сердце — участии, умением любоваться не только людьми-персонажами, но и людными выступлениями. Художник О.Коршунов выступил на Малой сцене Фигула театра отгороженный ширмами ситцевый мирок, в котором, в сущности, живут те же страсти, что и за его пределами, те же проблемы не дают людям спокойно жить, но здесь есть Вера, Надежда, Любовь.

И в таком, казалось бы, простом рисунке спектакля несоразмерно высветились исполнители почти всех без исключения ролей. Вот блистательный В.Барinov, принесящий в образ Иосифа Навуина Корпелова тот особый свет, что в ранних пьесах Островского определял как интонация "последних романтиков". Именно желание в самый сбой был принести романтику заставляет Корпелова называть кукарузу Маланья изысканным именем Агдья — и Маланья, изумительно сыгранная Г.Деминой, насколько это возможно при ее характере, пытается со-

ответствовать пристрастиям своего хозяина.

Молодой друг Корпелова, Павел Трудов, наделен в исполнении Г.Тодуровского таким неукротимым обаянием, такой жадной добротой, участия, что никто не усомнится — сердце Жени (Е.Дмитриева) будет рано или поздно принадлежать ему. А хозяин дома Четурин, очень выразительно сыгранный Д.Зениным, кажется, причислил к своим беспокойным обитателям, не в силах уйти из этой квартирки — удивительное сочетание туготумия и готовности к жертве во имя любви делает этого героя на редкость человечным и обаятельным.

Эдуард Марцевин инсценировал и поставил роман Л.Н.Толстого "Воскресения", один из, может быть, сплочнейших в русской литературе.

Спектакль получился, на мой взгляд, на во всем целостным, но не стоит искать здесь только вину режиссера — любая инсценировка в той или иной мере обречена на "клокватость". Однако в первом акте спектакля возникает какая-то поразительная магия — словно вновь пере-итываешь роман, словно аромат его витает над подмостками. И движешься постепенно, насколько точно ощущает режиссер литературный текст — в его ритмике, музыкальности, в силе его воздействия. Наконец, в его непреодолимой современности.

Это ощущение поддерживается и изумительными актерскими работами — начиная с главных, Катюши Масловой (М.Иванова) и Дмитрия Нехлюдова (А.Вершинин), кончая почти эпизодическими, порванными товарищами Масловой, сыгранными старейшими артистами Малого театра, Г.Деминой и Т.Панковой. Покоряет и изысканная черно-белосеребряная сценография Евагения и Антона Кузнецовых. Выстроенные в параллель сцены Нехлюдова и Катюши, сведенные порой попарно куски текста в единую атмосферу мира, где "все делают друг другу зло и страдают", — замечательная

находка режиссера Э.Марцевина, эмоционально воздействующая на зрителя, возвращающая память к давно прочитанному роману.

Но во втором акте магия исчезает — петербургские сцены торговле, порой излишне протесковаты. Ритм начинает ускользать, обнажая почти чистое проповедничество. И возникает странное чувство: режиссер словно вдруг убоился той громады, за которую взялся, и отступил. Но остается в памяти пронзительный финал, когда звучат слова о винокрадях и нерешительными, неровными шагами уходит и как будто не может уйти Нехлюдов. Человек, сотканный из противоречий.

Мне кажется, Малый театр действительно более всего озабочен исследованием этих противоречий. Во всяком случае, об этом едва ли не в первую очередь думается на спектакле "Коварство и любовь". Режиссер Юрий Соломин и художник Энар Штенберг придумали, на мой взгляд, замечательный ход, придавший всему происходящему дополнительный объем, — на сцене перед нами как будто музыкальная шкатулка с поворотным кругом. Картинки медленно сменяют одна другую, звучит пленительная музыка, джипик Миллера уступает место дворцу президента, за ним следуют ложи леди Миллфорд. Это четко разграниченные миры, которым на дано переосмыслиться никогда. Но коль скоро такое переосмысление продиктовано самой Судьбой — надо посмотреть, надо попытаться понять что-то, еще не понятое в этой старой драме Шиллера. Потому каждая картинка рассматривается режиссером обстоятельно, чуть замедленно по ритму. И когда Луиза (Т.Скляба) и Фреденанд (В.Зотов) останутся на ми один, медленно погаснет картинка гостиницы Миллера, чтобы в этой темноте отчужденно проступило равенство двух влюбленных — чистота их душ, поглощенных первым чувством.

Сознательная замедленность

вдруг позволяет по-новому увидеть и таких персонажей, как Вурм и Президент, — в этих ролях очень интересны Василий Бочкарев и Валерий Берников.

Прикоснуться к тому, что некогда Л.Н.Толстой определял емким понятием "диалектика души", услышать голос совести, познать цену поступку, измерить масштаб человеческих взаимоотношений привычными, веками складывавшимися ценностными ориентирами. Может быть, именно этим стремлением влекут спектакли Малого театра?

Два последние премьеры можно объединить (хотя и весьма условно) темой власти и личности. "Сказка о царе Салтане" (режиссер Виталий Иванов, художник Александр Глазунов) — обаятельная, свежая и интересная зрелище. Что же касается постановки шведского режиссера Александра Нордстрема стриндберговского "Короля Густава Васы" (художник Гунилла Пальмшерна-Вайс, музыка Юрия Эриксона), то в этом спектакле, как в фокусе, сошлись особенности "актерского" театра России.

При скромном режиссуре актеры Малого театра играют истинные ослепительные — что ни характер, то судьба, сложная, исполненная глубочайших противоречий, внутренней борьбы с самим собой. Это относится и к В.Коршунову, играющему короля Густава, и к А.Коршунову, в образе принца Эрика сумевшего отобразить не только характер будущего короля, но и те черты, что отличают героя другой пьесы того же автора "Эрик XIV".

В исполнении Афанасия Кочеткова и Юрия Каюрова характеры царедворцев предстают многозначными и масштабными.

Человек не может быть нейтрален.

Наверное, это и есть главный секрет, который таит в себе Малый театр.

Наталья СЕРАФОВСКАЯ